

“ПАНЕГИРИК ЮСТИНУ МЛАДШЕМУ” КОРИППА¹

Традиция латинских эпических императорских панегириков, начавшись с Клавдиана в самом конце IV в., нашла свое завершение в конце VI в. в Константинополе.

Насколько нам известно, последний латинский эпос в форме императорского панегирика написал поэт и грамматик из Африки Кресконий Корипп.

Несколько обрывков информации, которую мы имеем о Флавии Кресконии Кориппе, могут быть получены почти исключительно из двух его поэм – “Иоанниды” и “Похвалы Юстину Младшему”. Иными словами, это только имя, дающееся полностью лишь в одной рукописи *Budensis*, ныне утраченной, и слово “грамматик”, приложенное к рукописи *Matritensis*. Мы также теперь можем учесть, что в конце VII века епископ по имени Кресконий был ошибочно отождествлен с нашим поэтом², поэтому придется прибегнуть к скудным указаниям в самих поэмах, которые, хотя и сохранились целиком, но в различных рукописных традициях точно атрибутированы одному и тому же автору³.

Й. Партш в предисловии к своему изданию Кориппа и Ф. Скутш, автор статьи о Кориппе в RE, уже встали на твердую почву в отдельных деталях биографии поэта, хотя еще и очень кратких.

Корипп был, по всей видимости, учителем из небольшого городка в провинции Африка, когда сочинял свою эпическую поэму в 8 книгах о подвигах полководца Юстиниана – Иоанна Троглиты и мог прочесть ее *procurator* (знатнейшим) в Карфагене (*Ioh. Praef. 25, 36*). Он написал поэму вскоре после прекращения военных действий в 548 г., как ясно следует из Введения и особенно из *Ioh. I.9ff*. Но затем последовало молчание в течение почти 20 лет, в течение которых была написана “Похвала Юстину Младшему” в ознаменование воцарения Юстина II, которое имело место 14 ноября 565 г. В это время Корипп уже смог перебраться в Константинополь, где он смог занять какой-то род должности на императорской

¹ Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ 2013 г.

² Skutsch. RE. IV.1.1236.

³ Аргументацию и примеры см.: *Appel E. Exegetischkritische Beiträge zu Corippus (Diss.)*. München, 1904, S. 14f. Как и Панегирик, “Иоаннида” сохранилась в одной рукописи XIV в. (*Tribultianus*).

службе (Pan. Anast. 44ff). Разумно предположить, что “Иоаннида” принесла поэту необходимую поддержку в высших кругах. Также возможно, что он стал одним из трибунов, нотариев или скриниариев, которых Юстин щедро вознаграждал на своей инаугурации как консула 1 января 566 г. (Iust. IV.173ff). Он был в некотором роде прикреплен к службе квестора Анастасия, которому посвящено второе Вступление в Iust. (Pan. Anast., 45f), и которое должно быть согласовано с его членством в скринии. Но здесь не все ясно: он ныне сетует не только на старость (Pan. Anast. 48), но и на проблемы (Praef. 41f; Pan. Anast. 49), которые, кажется, связаны с имуществом (Ptaef. 43). Это может быть связано с его упоминаниями о печальном положении Африки в последнее время (Pan. Anast. 36f).

Как и “Иоаннида”, поэма о Юстине⁴, как кажется, была написана также после описанных в ней событий. Книга IV, описывающая начало первого консульства Юстина 1 января 566 г., следует за первыми тремя книгами с очень небольшим интервалом (Iust. III.405ff). Конечно, она предшествует второму консульству в 568 г., однако, возможно, ненамного; не должно быть много мнений такого рода относительно данной поэмы, после всего, если она была по крайней мере актуальна. Предисловие написано определенно до 568 года, когда лангобарды завоевали Италию (Praef. 12f). Твердые хронологические опоры также заключаются в аллюзиях на заговор Этерия и Аддея в 566 г. (Iust. I.60f; IV.348f; II.68f). Это вполне точные указания и, вероятно, достаточно доказательств, что первые три книги созданы в 566 г., а книга IV – вскоре после этого, в конце 566 или в начале 567 г. Такая датировка должна также соответствовать между Предисловием Кориппа и Предисловием Агафия к циклу эпиграмм, опубликованных приблизительно в то же самое время, где есть аллюзии на новый дворец в Софианах (Iust. IV.285f)⁵.

Итак, Корипп оставил нам две важные поэмы с промежутком приблизительно в 20 лет между ними, и каждая из них сохранилась в одной рукописи. Больше ничего о поэте нам не известно; его труды были использованы уже Венанцием Фортунатом, но помимо того, что мы здесь имеем, нет никаких намеков на его рецепцию.

В единственной рукописи, в которой сохранилась данная поэма, она называется просто “Книга, изданная в похвалу Юстину Августу

⁴ *Flavius Cresconius Corippus*. In laudem Iustini Augusti minoris, libri IV / Ed., transl. by Averil Cameron. London, 1976.

⁵ О датировках Кориппа, и специально о дворце в Софианах в связи с ним, см.: Notes of the Sophiae, the Sophianae and the Harbour of Sophia // Byzantium, 1967, 37, p. 15f.

младшему”. Но это, однако, не обычный панегирик, но гибрид, сочетающий панегирик и эпос⁶. Его предметом является воцарение Юстина II (книги I–III), его инаугурация как консула (книга IV – не полностью), и в целом манера поэмы – не статическая, и не динамичная. События имеют тенденцию составляться в серии – части целого (I.28f – сон Юстина; II.8f – прибытие сенаторов; 226f – лежащий Юстиниан; 314f – скопление народа на Ипподроме и т.д.), такова сильная нить всего нарратива.

Сам Юстин непосредственно описан только относительно частных аспектов событий, например, II.137f, когда его поднимают на щит перед увенчанием его диадемой. Во всех частях панегирика, где он присутствует, есть очень много второстепенных эпизодов по отношению к главному повествованию. Так, вперемежку, прямо говоря, с небольшим или неэпическим искусством (I.33f; 298f), в этой манере, если это отвлекает от поэтических качеств труда, тем не менее, он дает нам уникально ценные простые записи о фактах имперских церемоний. Если повествование носит сложный характер, то это не потому, что автор вводит риторические украшения (кроме использования экфрасиса: I.276f; III.191f), а потому, что Корипп воплощает в них параллельные линии образности, которые призваны объяснить символизм имперской позиции, в которой некоторым образом современное имперское искусство использует репертуар символов таким образом, что выражает определенные фиксированные идеи. Типично в этом контексте II.137f, где Корипп описывает и объясняет церемонию поднятия на щит, а также I.134f – о символизме цветов цирковых партий; IV.264f – о храме св. Софии и его символическом смысле. Более условные эпические “отступления” см. в III.88f (вина и коронационный пир), и особенно IV.13f (сбор леса для строительства трибун) – реже и более заметно в их функциях простого описания и ничего более. Поэма поэтому иной раз уникальна – детальным описанием краткого, но жизненного пространства во времени жизни отдельного византийского императора, олицетворяющего объяснение смысла предметов и церемоний, описанных так, чтобы достичь наиболее сильного эффекта имперского величия, которое, с другой стороны, неизбежно занимает политическую позицию в отношениях, связанных с императором. Хотя этот объект, безусловно, служил прославлению Юстина, сама поэма, в отличие от Вступления, не имеет структуры (характера) панегирика, тогда как, с другой стороны, эти рамки и приземленные подходы также ограничены для того, чтобы быть отмеченными как эпос в обычном восприятии.

⁶ *Nissen T.* Historisches Epos und Panegyrikos in der Spatantike // *Hermes*, 1940, 75, S. 298ff.; *Alvares E.* Los Panegiricos de Flavio Cresconio Corippo. Santiago de Compostela, 1972.

Имеется два Вступления, оба в гексаметрах, одно из которых адресовано самому Юстину, а другое – квестору Анастасию. Но сам Корипп обращается также к Вигилиянии, матери Юстина, к его жене Софии и к Богородице (I.8f; III.147f). Общий план поэмы выглядит следующим образом⁷:

Вступление (Praefatio) – 48 строк: множество обращений к императору, описание его власти и силы и призывающее его удачу.

Панегирик Анастасию (51 строка): похвала квестору Анастасию.

Книга I.

1–27: введение, о покровителях Кориппа.

27–28: лакуна, содержащая сообщение о смерти Юстиниана.

28–65: сон Юстина, предвещающий его провозглашение императором.

66–186: Каллиник и другие сенаторы приходят к Юстину во дворец и добиваются его согласия на трон.

187–293: Юстин и София прибывают в Великий Дворец и оплакивают тело Юстиниана (274f – экфрасис расшитых погребальных облачений Юстиниана).

294–313: Молва (fama) летит по городу.

314–367: народ собирается на Ипподроме в ожидании события.

Множество символов на Ипподроме.

Книга II.

1–46: Юстин отправляется на службу в церковь Архангелов.

47–83: София отправляется на службу в церковь Богородицы.

84–174: облачение и коронация Юстина (во дворце). Приветствия сената.

175–277: Первая коронационная речь Юстина.

278–430: Юстин лично является народу на Ипподроме. Приветствия народа, затем – Вторая коронационная речь. 301f – завершение множества раз проявленного Юстином благочестия (pietas).

Книга III.

1–61: погребальная процессия Юстиниана в храм св. Апостолов.

62–84: радость народа по поводу воцарения Юстина.

85–150: коронационное празднество.

151–407: Аварское посольство и его прием Юстином на седьмой день царствования. 191f – экфрасис трона Юстина. 271f – речь авар и ответ Юстина.

---

⁷ Структура поэмы дана по Эврил Кэмерон.

Книга IV.

1–89: приготовления к консульской инаугурации 1 января 566 г. 13f – описание леса, который используется для строительства трибун для зрителей.

90–205: консульская щедрость (дары?) сенату и чиновникам (во дворце).

206–263: консульское шествие (processus).

264–325: Юстин следует в св. Софию, чтобы принести благодарности. 290f – символический смысл храма.

326–377: Юстин восседает на круглом кресле в окружении своих высших сановников...

Поэма написана определенно в Константинополе и предназначена для публичного произнесения при дворе перед слушателями, которые должны были понимать все тонкости императорских церемоний и политические нюансы, связанные с воцарением Юстина. Весьма примечательно, что достаточно крупная латинская поэма предназначалась для самой интимной части грекоязычной придворной жизни, хотя это было не уникально (IV.154f). Нет проблемы в том, что поэма могла быть предназначена для более узкой западной аудитории; латинские панегирики представлялись более престижными, а адресаты этого труда рассматривались Кориппом не иначе как сама императорская чета, а также квестор Анастасий. В поименном списке имперских чиновников (I.15f; IV.332f), вместе с миниатюрными панегириками персонам, влиятельным при дворе (I.79f; 212f; III.220f), видно, что Корипп держал эти придворные круги в голове; нет сомнений, что он надеялся получить возмещение за свои беды путем вмешательства важных людей, которые поддержат его уже, возможно, хотя бы одобрительными откликами (I.15f). Но при любой реалистичной оценке связей Кориппа с двором становится ясно, что он не мог написать поэму в таких точных деталях, если он лично не был свидетелем многих событий, а по другим не имел бы хороших источников. Поэма, которую он писал, должна была стать тем единственным, с помощью чего он думал заслужить милость ее участников, и тем, что не слишком далеко отклоняется от правды, какой они ее видели.

На протяжении всей поэмы, особенно ее I книги (I.76; 130f; 135; 192; 202f), Корипп стремится создать впечатление, что коронация Юстина – гладка и неизбежна⁸. Императору его власть гарантирована Богом (I.33f; 208f). Он становится после коронации не только истинным

⁸ Ср.: Vict. Tonn., 567.

образом Христа, воплощением имперского благочестия (*pietas*) (II.407f); даже перед смертью Юстиниана Юстин специально избран Богом на трон (IV.339f). Нет и намек на оппозицию, всем известно о том, что дворец был под усиленной охраной ставленника Юстина – Тиверия, который сохранил ключевой пост комита экскувиторов (I.202f; 191f). Нет также и намек на то, что Юстин немедленно нашел необходимым устранить своих главных конкурентов, и аллюзии на аналогии с заговором, последовавшим в 566 г. (I.60f; IV.348f) читаются как комплименты императору, который успешно провел дела, более опасные, чем указанные реальные беды. Такая точка зрения является фактически просенаторской. Юстин взшел на трон как кандидат сената (I.115f; 191), и его восшествие на престол было представлено народу как свершившийся факт. Корипп верно сообщает не только об этих предварительных маневрах, но также и о необычных делах при инаугурации и коронации Юстина – на него должен был быть возложен торквес, он был поднят на щит и увенчан диадемой; все это происходило внутри дворца, в присутствии многочисленных сенаторов (II.84–174). Вместо этих церемоний действие было совершено в Кафизме, и Юстин сам предстал сразу аккламациям народа и войска. Он сделал это главным элементом коронации, адресованным сенату, находящемуся еще во дворце (II.175f), и лишь раздачи народу были единственной акцией для него (II.333f). Корипп представляет эти конституционные инновации полностью с сенаторской точки зрения; взгляд с другой стороны сената был фактически очень необычной инициативой, далеко не каждая из которых могла быть утверждена.

Корипп в равной мере поддерживает деяния Юстина и в других областях. Одной из его первых мер стала проблема императорского указа, требующего, чтобы Константинопольский Символ веры был прочтен во всех церквях; Корипп в соответствии с этим вставляет пассаж о символическом значении церкви св. Софии, где дает близко к тексту парафраз Символа веры, который должен стать похвалой религиозной политике Юстина (IV.290f). В противном случае более ранняя политика Юстина будет выглядеть более эффективной в области внешних дел – это его отказ выплачивать дань аварам, агрессивная политика по отношению к Персии. Корипп ранее давал широкое освещение тех событий (III.151f), где Юстин предстал в образе могущественного и безмятежного правителя, персонифицированного спокойствия перед лицом беззаконных варваров (III,308f). Мудрость его политики была здесь настолько естественной и не вызывала вопросов, что поэт обращается к эпизодам идеологических

споров. Корипп, однако, не был одинок в своем прятии и одобрении “мегаломанской и безответственной” политики Юстина; в сравнении, например, с более реалистичными оценками Менандра Протиктора. Персидская проблема не выглядела такой серьезной еще за несколько лет до этого, но весь тон Кориппова Вступления показывает Юстина как превосходного воина. Тема эта была хорошо знакома всем жителям империи, а персы включены в перечень народов, известных как подчиненные империи (Praef. 30f).

Как и Вступление к “Циклу” Агафия (AP IV.3), Вступление Кориппа рисует радужную, идеализированную картину мира, едва ли соответствующую драматическим событиям эпохи создания поэмы и так скоро развеянную в прах. Остальные характеристики предшествующего правления Юстина – это его забота о финансах, которая привела его к снижению имевшихся запасов и расхищению казны, как сообщается во враждебных ему источниках. Это ясно показано в поэме Кориппа, особенно в речи на первой коронации (II.249f). Это часть более обширной темы обновления и восстановления после упадка последних лет правления Юстиниана (II.331f; 263f; Anth. Plan. 62). Корипп как всегда представляет более выгодную интерпретацию деяний Юстина; более того, с момента его восстановления в консульстве (II.349f), которое было в действительности более связано с приобретением благосклонности народа, чем с восстановлением справедливости, как провозглашал Юстин (II.334f), и с учетом внешнего эффекта от кассации долгов (II.361f), другие подсчитывают движение и возможные при этом инициативы Софии.

Корипп не рассказывает нам много нового о Юстине. Его картина связана только с началом правления, и она полностью комплиментарна для поэмы, которая сочинялась для того, чтобы поэт получил награду от императора. Тем не менее, можно восполнить эту картину, даже давая комплиментарный образ политики Юстина, который может быть дан в противовес крайне враждебным источникам, которые охватывают заключительную часть правления. Безумие Юстина, его гонения на монофизитов и его поражения в войнах с Персией – все это было окрашено в черные тона в поздних сообщениях, а Тиверию были приписаны более светлые тона просто по контрасту с Юстином. Поэма Кориппа не могла охватить последний период правления Юстина; его тон просто уверенный, проистекающий от оптимизма первых лет, что так очевидно также и в “Цикле” эпиграмм, составленном, возможно, в основном при Юстиниане, но собранном и “опубликованном” Агафием как изящный комплимент новому правлению.

Поэма подвергалась жесткой критике за слабые поэтические достоинства и невыгодные для нее сравнения с “Иоаннидой”. Основная критика сосредоточена в основном вокруг нарратива, который представляет собой скорее протокол дворцового церемониала, нежели поэзию. Более всего неожиданным кажется вопрос о выборе субъекта. Почему панегирик выбран в качестве формы для детального описания актуальных событий первых дней правления Юстина? Ответ, возможно, в том, что это произведение не следует судить по строго литературным критериям. Например, нет в чистом виде никаких жанров. Также нет и условного риторического дискурса, несмотря на то, что Корипп испытывает постоянную зависимость от Клавдиана. Напротив, подлинное описание имперских церемоний, которое занимает такую значительную часть поэмы, само по себе несет квази-литургическую функцию, и ближайшие параллели к поэме могут быть найдены при условии того, что зримое искусство вернее, чем собственно литература. Корипп хочет дать нам такое количество подробностей и интерпретаций, потому что в современном ему контексте описание дворцового церемониала само по себе является панегириком. “Похвала Юстину” есть поэтическая версия трактата о церемониях и о царствовании, которые только что появились, как и литературный подход к темам императорского искусства. Также естественно, что его формой в значительной мере стал популярный в то время обширный экфрасис – поэма, как правило, с описанием предметов искусства, но изящный нарратив описания был ценен в его собственных рамках, и Корипп дает нам серии экфрасисов на темы императорской коронации, приема послов, консульских процессий. Современникам эти описания не должны были казаться ни скучными, ни неожиданными. Подлинные части поэмы, которые оказались неприемлемыми для современных ученых, поэтому составляют его положительные качества.

Займствования Кориппа из более ранних поэтов, как Клавдиана, так и языческих, уже детально собраны и изучены, и доказано, что они весьма обширны. Среди классических поэтов на первом месте естественно стоит Вергилий, хотя в основном за счет некоторых словосочетаний, чем развернутых подражаний. Овидий и Лукан также популярны у нашего поэта, но выше всех их находится Клавдиан, особенно его поэмы о консульствах, по очевидным причинам. Из христианских поэтов наиболее предпочтительны Драконций и Седулий, и Корипповы подражания им имеют склонность собираться в связки из специально христианских пассажей, как, например, в сцене молитвы Юстина и Софии (II.11f; 52f),

в парафразе Символа веры (IV.290f). Но что поразительнее всего – это комбинации тяжеловесных языковых оборотов из предшествующих поэтов и известная степень независимости в вопросах формы и структуры. Корипп заимствовал лишь в очень небольшой степени эпическую структуру из классических поэтов, как структуру панегириков Клавдиана, так и его риторику, и хотя его поэма является целиком христианской, он отличается очень явно от более ранних христианских поэтов как по стилю, так и по содержанию.

Основная тема поэмы заключается в том, что правление Юстина дано от Бога (Praef. 1f; 20; I.47; 128; 208f; 366–367; II.42f; 428; III.333; 361f; IV.318; 339. Особенно важны I.33f; II.408f. Речь Юстина в III.311f – одно из наиболее важных мест в контексте множества раз упомянутой идеи о Божественном происхождении власти в Византии (особенно III.333f), также благочестие Юстина вкупе с его ролью представителя Бога в его отношениях с народом особенно сильно подчеркивают это (ср. Pan. Anast. 36). Поэма также рисует привычные темы об отношениях Бога и императора, об императорах, провозглашенных Божественными (I.33f), о молитве императора (II.1f; II.10f; 50f), об императоре как образе Христа (II.407f; особенно 428), о похоронах императора и его перенесении на “царственные небеса” (III.28f; I.143f; IV.337f), о благословении императора Богом (IV.311f). Фактически поэма использует перечень тем из классической литературы, иным образом представленный в императорском искусстве, в языке сборников законов или в царственных трактатах. Общая концепция сочинения в огромной степени христианская, хотя и ограничивается преимущественно темой христианского царя. Но Корипп не идет дальше этого. Он только включает еще пару длительных молитв, очень христианских по языку и содержанию, и даже по интересу к доктрине в описании моления Софии (II.52f). Он также может ввести длительную парафразу Символа веры под предлогом объяснения символических смыслов св. Софии (IV.290f). Цель последнего – в комплименте указу Юстина от 566 г., но, тем не менее, показывает осведомленность автора в закрытых доктринальных тонкостях и умении прямо и непосредственно использовать словарь латинской христианской поэзии.

Основная рукопись “Панегирика” была составлена в XIV веке. В начале XV в. де Бонис переписал ее и оставил в частном книжном собрании в Майланде. Кроме этой рукописи определенное значение имеют также лишь две рукописи из Овьедо. Микаэль Руис Азагра, секретарь императора Рудольфа II, в 1581 г. в Антверпене сделал копию с единственной

к тому времени полной рукописи Кориппа, хранившейся в Мадридской библиотеке и написанной предположительно в Овьедо. Рукопись, которая также содержит произведения Драконция, Ювенка и др., излагает содержание “Похвалы Юстину” в прозе. Издатель рукописи знал текст ещё без встречающихся в нём сейчас пропусков. Ныне эта рукопись утрачена.

Кроме этой рукописи Руис использовал еще один ныне утраченный манускрипт из Овьедо, который находился в тесной связи с Мадридской рукописью; из него вышли рукописи Escorialensis, Matritensis, Laurentianus (Лауренциана), а из последней, в свою очередь, – Сэнтская рукопись, из которой текст Кориппа Элиас Винет издал в 1552 г. в своём издании Сидония Аполлинария.

И. Беккер издал произведения Кориппа в 28 томе своего Собрания византийских историков (1836 г.). В 1879 г. Йозеф Партш выпустил основное на сегодняшний день издание Кориппа с обширной вступительной статьей⁹. В 1976 г. Эврил Кэмерон выпустила английский перевод “Панегирика”. В 1985 г. вышло испанское издание “Похвалы Юстину”¹⁰ (латинский текст и испанский перевод).

Исследований творчества византийского латинского поэта, за небольшим исключением последнего времени, на постсоветском пространстве нет. Тем не менее, творчество Кориппа, несомненно, важно сегодня, и как исторический источник, и как последний позднеимперский эпос Ранней Византии.

---

⁹ Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt / Rec. I. Partsch. B., 1879.

¹⁰ Flavius Cresconius Corippus. El Panegirico de Justino II. Sevilla, 1985.